

УДК 94(47).084.3

doi 10.17072/2219-3111-2023-3-128-138

Ссылка для цитирования: *Скляр С. А.* Фактор коммунистической революции в Германии в советско-польских отношениях в 1923 году // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 3(62). С. 128–138.

ФАКТОР КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ГЕРМАНИИ В СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1923 ГОДУ

С. А. Скляр

Московский государственный институт международных отношений, 119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76

redactors@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5691-4088

Researcher ID: ABF-8245-2021

Scopus Author ID: 58154092700

Рассматривается недостаточно исследованная тема влияния подготавливавшейся в 1923 г. при активной поддержке Коминтерна и РКП (б) пролетарской революции в Германии на отношения между Польшей и СССР. Автор опирается на рассекреченные в постсоветский период опубликованные и впервые вводимые в научный оборот неопубликованные архивные материалы, раскрывающие в новом свете указанные события. В работе показано, как, несмотря на наличие радикальных предложений, грозивших новой широкомасштабной войной в Европе, руководство РКП (б) избрало более прагматичный подход. Учитывая военную мощь польского государства, Москва решила обойтись без угроз и запугивания, что стало отличием советского подхода к Польше от политики в отношении Литвы и Латвии, чтобы добиться снятия Варшавой жестких ограничений на транзит между Германией и СССР. В ответ Политбюро ЦК РКП (б) было согласено пойти на ряд уступок, прежде всего по экономическим и финансовым вопросам, в том числе в вопросах выплаты Польше 30 млн рублей золотом, полагавшихся Варшаве по Рижскому мирному договору и фактически саботировавшихся Москвой. Кроме того, СССР был готов разрешить транзит польских товаров в Персию. Отмечается, что указанный план не сработал, так как в Польше прекрасно понимали, что снятие ограничений на транзит между СССР и Германией повышало шансы на революцию в Германии, что грозило окружением Польши коммунистическими странами. Кроме того, к моменту приезда советской миссии с указанными предложениями в Варшаву настаивать на таком обмене при жестком отпоре польских дипломатов уже не было особого смысла, так как планы по организации пролетарской революции в Германии провалились.

Ключевые слова: пролетарская революция в Германии, РКП (б), Коминтерн, экспорт революции, транзит в Персию, Рижский мирный договор.

Не состоявшаяся осенью 1923 г. пролетарская революция в Германии и роль советского руководства и Коминтерна в ее подготовке являются одной из центральных тем постсоветской российской историографии. Рассекреченные в 1990–2000-е гг. архивные материалы позволили осветить многочисленные аспекты этой темы. К ней, в частности, обращались М. И. Мельтюхов [Мельтюхов, 2013, 2001], В. Л. Черноперов [Черноперов, 2006], П. В. Макаренко [Макаренко, 2012], Д. В. Вороньянская [Вороньянская, 2019], Е. Н. Емельянова [Емельянова, 2021, 2015], М. В. Брянецев [Брянецев, 2019], Н. Н. Станков [Станков, 2018], В. А. Зубачевский [Зубачевский, 2019]. В то же время до сих пор остаются спорными отдельные аспекты влияния подготовки к революции в Германии на советско-польские отношения.

Нельзя сказать, что ранее этот вопрос не поднимался вообще. В советской историографии наиболее детально к его исследованию подходил П. Н. Ольшанский. В его работах указывается со ссылкой на переписку польского МИДа с польскими дипломатами в Великобритании и Франции о безосновательности опасений Варшавы относительно стремления советского руководства соединить в 1923 г. территорию СССР с революционной Германией через «литовский коридор». Не давая однозначного ответа на вопрос о готовности сторонников мировой револю-

ции в руководстве СССР и Народном комиссариате иностранных дел (НКВД) использовать события в Германии для последующей советизации Польши, П. Н. Ольшанский в то же время указывает на предпосылки для существования таких опасений в Варшаве. Упоминает он также и о приезде члена коллегии НКВД В. Л. Коппа в Польшу и его попытках вести переговоры относительно свободы транзита через польскую территорию для доставки советских грузов в Германию. Однако, даже если отбросить устаревшие идеологические подходы, рассекреченные в постсоветскую эпоху архивные материалы не позволяют считать сейчас приведенную П. Н. Ольшанским документальную информацию исчерпывающей, а оценки – полностью взвешенными [Ольшанский, 1972, 1974].

В работах польских историков ход польско-советских переговоров в процессе подготовки к революционным выступлениям в Германии, как правило, освещается достаточно скупо. При этом ощущается дефицит документальной базы, раскрывающей мотивы советской стороны. Они также не дают представлений о колебаниях в советском руководстве относительно революционных выступлений в Германии и связанных с ними вариантах развития политики Москвы в странах Центральной Европы, включая Польшу. Как правило в работах польских авторов можно найти отрывочные сведения о переговорах В. Л. Коппа в Варшаве в октябре 1923 г. [Kumaniecki, 1924] (Kumaniecki, 1991; Dokumenty..., 1965).

Учитывая указанные выше обстоятельства, главной задачей данного исследования выступает анализ опубликованного в последние десятилетия и рассекреченного еще не опубликованного архивного материала, позволяющего оценить обсуждавшиеся в 1923 г. в советском руководстве, НКВДе и Коминтерне планы в отношении Польши, а также их реализацию в связи с подготовкой к пролетарской революции в Веймарской Германии.

Важно отметить, что представления и мечты о скором наступлении мировой революции и о Германии как о ее возможном главном форпосте в Европе не оставляли руководителей РКП (б) все время после Октябрьской революции 1917 г. Однако поражение немецких коммунистов в ходе выступлений 1918 и 1919 гг., а также Гражданская война в России долгое время не позволяли лидерам РКП (б) и Коминтерна приступить к разработке практических планов по организации пролетарской революции в Германии при активном вовлечении в нее ресурсов советского государства.

Только летом 1923 г. ввиду тяжелейшего социально-экономического положения в Германии, нараставшего возмущения немцев обременительными и унижавшими их условиями Версальского мирного договора, а также правительственными кризисами в Берлине, в руководстве Коминтерна и РКП (б) сформировалось и постепенно укрепилось мнение о складывании в Германии революционной ситуации.

К практической стадии обсуждения о возможной помощи и участии СССР в подготовке коммунистической революции в Германии руководство РКП (б) приступило лишь в августе 1923 г., только после того, как в мае – июне 1923 г. пережило внешнеполитический шок в связи с предъявлением меморандума Керзона. Весь май и июнь ушли на попытки Москвы дипломатическими методами и многочисленными уступками не допустить формирования нового анти-советского блока во главе с Великобританией и Францией [Сергеев, 2015]. Как следует из переписки члена коллегии НКВД Я. С. Ганецкого с полпредом СССР в Варшаве Л.Л. Оболенским, Москва пыталась предотвратить вовлечение в него Польши, чтобы не допустить нового наступления польской армии на СССР (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 212. Д. 52564. Л. 97).

Оправившись от вызванного меморандумом Керзона шока и взяв курс на подготовку и поддержку коммунистической революции в Германии, советское руководство должно было решать ряд практических вопросов, затрагивавших не только Германию, но и соседние с ней европейские страны, в том числе Польшу.

Широту обсуждавшихся военных и геополитических планов большевиков хорошо характеризует известная записка на имя занимавшего в то время пост председателя исполкома Коминтерна, члена Политбюро ЦК РКП (б) Г. Е. Зиновьева от члена Центральной контрольной комиссии РКП (б) С. И. Гусева. В ней предлагаются в случае германской революции и войны с Польшей и Румынией наступление на входившую в то время в состав Польши Восточную Га-

лицию, «где поднять восстание нетрудно», и «случайный» прорыв в Чехословакию, в которой «в присутствии наших двух-трех дивизий» возможна революция (Политбюро..., 2004, с. 172). Эти действия, по мнению С. И. Гусева, позволили бы зайти в глубокий тыл Польши и решить тем самым ее участь, получить коридор в Советскую Германию и создать Чехословацкую Красную Армию. Ответил на эту записку генеральный секретарь ЦК РКП (б) И. В. Сталин, указавший, что рано ставить такой вопрос, сам план проблематичен, а важнее, «под каким легальным прикрытием мобилизовать солдат, сохраняя внешность миролюбия и, по крайней мере, внешность обороны» (Там же).

Несмотря на то что прагматично настроенное высшее руководство РКП (б) отвергало наиболее радикальные планы экспорта революции, обсуждавшиеся им в практической плоскости вопросы угрожали полной дестабилизацией как самой Германии, так и соседним ей странам.

Как следует из стенограммы заседания Политбюро ЦК РКП (б) 21 августа 1923 г. Г. Е. Зиновьев ставил вопрос о том, что «главное, о чем мы должны решить, – это хлеб, деньги, усиление армии, снабжение людьми, руководство – это нужнее всего сейчас Германской компартии, и это мы ей должны дать». И. В. Сталин там же заявил о необходимости получить «общий кусочек границы с Германией» (Там же), для чего, направив коммунистов «этих» национальностей, «нужно постараться сорвать одно из буржуазных лимитрофных государств¹ и создать коридор к Германии» (Там же). Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин предложил созвать совещание для проработки вопросов «ориентируемся ли мы на консолидацию Чехословакии или Югославии, или подготовляем там восстания, или делаем то и другое (*голоса*: “Конечно, и то, и другое”))» (Там же). В случае с Бессарабией требовалось решить, отдать ли ее Румынии «и приобрести их дружбу..., или устроить восстание в Бессарабии (что очень нетрудно) и организовать поход на Бухарест» (Там же). Кроме того, совещание должно было решить «создавать ли оттяжной пластырь в Африке» путем поддержки национальных движений в Алжире, Абиссинии, Триполи (Там же). Нарком иностранных дел, не поясняя возможных вариантов, также ставил вопрос об Эльзасе-Лотарингии. В отношении Польши, нападения которой на СССР в Москве очень старались избежать еще в мае, планы были более миролюбивыми. От нее требовалось добиться пропуска хлеба в Германию, и совещанию предстояло определить, что можно было бы ей за это дать. В то же время в отношении Латвии и Эстонии Г. В. Чичерин считал, что «можно действовать страхом, военной угрозой» [Сталин, 2004, с. 601–606].

В то же время среди руководства РКП (б) также существовали серьезные опасения того, что революция в Германии вызовет ответную реакцию, в том числе новую интервенцию как против революционной Германии, так и против СССР. При этом одним из участников такой интервенции могла быть и Польша, заинтересованная в подавлении коммунистического мятежа в соседней стране и в возможности отобрать у Германии сохранившиеся за ней после Первой мировой войны исторические польские земли со смешанным польско-немецким населением. В частности, в письме председателя Реввоенсовета Л. Д. Троцкого² своему заместителю Э. М. Склянскому от 25 августа указывается на заинтересованность Москвы в невмешательстве в дела Германии в момент революции Франции, Польши, Чехословакии и других стран и необходимость быть готовыми к «нападению на нас» (Политбюро..., 2004, с. 168).

На заседании Политбюро ЦК РКП (б) 4 октября 1923 г. было решено назначить дату начала пролетарской революции в Германии на 9 ноября. Вместо предполагавшейся ранее отправки на помощь германской компартии Л. Д. Троцкого и Г. Е. Зиновьева сначала было предложено отправить чуть менее влиятельных лидеров РКП (б): Г. Л. Пятакова, К. Радека, Я. Э. Рудзутака и В. В. Куйбышева. Однако по настоянию И. В. Сталина кандидатуры В. В. Куйбышева и Я. Э. Рудзутака решено было заменить на наркома труда В. В. Шмидта и уже находившегося в Германии полпреда СССР Н. Н. Крестинского. При этом вопрос об отправке хлеба в Германию был отложен, в то же время было решено на 500 000 золотых рублей увеличить особый фонд, в котором к тому моменту из выделенных ранее на поддержку германской революции 445 700 долларов США было уже израсходовано 333 530 долларов (Там же, с. 205–207).

Судя по всему, большой проблемой для организаторов пролетарской революции в Германии была невозможность организовать транзит из СССР через Польшу хлеба, оружия, лю-

дей. Фактически, по условиям Версальского мира (Версальский мирный договор, 1925, с. 139–156) и заключенного с советским государством Рижского мирного договора, Варшава ввела разрешительный порядок транзита через свою территорию грузов из Германии и Австрии в советские республики (Документы внешней политики СССР, 1959, с. 654). Разрешительный порядок транзита также действовал на транзит советских грузов через Польшу в страны Центральной Европы, включая Германию, что приводило к многочисленным задержкам и отказам в транзите, и теоретически могло привести к полному запрету Варшавой транзита между Германией и СССР.

До разработки планов организации пролетарской революции в Германии советское государство тяготилось введенными Польшей ограничениями на транзитную торговлю с Германией, но не было готово идти на какие-либо серьезные уступки Варшаве, чтобы отменить разрешительный порядок транзита. Как отмечал в одной из своих публикаций в 1921 г. нарком внешней торговли Л. Б. Красин, Москва предлагала включить в Рижский мирный договор пункт об обязательном пропуске грузов, «но Польша заявила, что никаких обязательств в отношении наших грузов, идущих из Австрии и Германии, как побежденных стран, она на себя не берет» (Там же). При этом он указывал, что «если Польша откажет в транзите в Германию, то Советская Россия вынуждена будет перевести торговлю на воду..., и польские железные дороги нам будут не нужны» (Красин, 1928, с. 274). Однако к 1923 г. вопрос транзита в Германию не был решен, Москва по-прежнему зависела от позиции Польши, граничившей с обеими частями разделенной после Первой мировой войны Германии, а поставки морским путем преимущественно осуществлялись через порты Латвии и Литвы.

Для налаживания транзита из СССР в Германию в октябре было решено отправить в Польшу, Латвию и Литву члена коллегии НКВД В. Л. Коппа. Он должен был прозондировать условия, на которых Польша могла бы разрешить свободу транзита с Германией. Однако изначально были слишком велики сомнения в возможности договориться об этих условиях. Во всяком случае во время заседания Политбюро 18 октября 1923 г. И. В. Сталин написал в записке, что ввиду бесперспективности следует отказаться от зондирования поляков, В. Л. Коппа задерживать и приняться за зондирование латышей, так как «латышей можно запугать, припереть к стене и пр., с поляками этого не сделать» (Политбюро..., 2004, с. 208).

Как показали дальнейшие события, сомнения И. В. Сталина в возможности договориться с Польшей о свободе транзита в Германию не были беспочвенны. В качестве встречных уступок со стороны СССР предполагалось предложить Польше свободный транзит в Персию и подтвердить готовность Москвы заплатить Варшаве обещанные ей по Рижскому мирному договору 30 млн рублей золотом и утвердить план таких выплат. Польские правительства регулярно предъявляли советским дипломатам требования о выполнении Москвой взятых по условиям Рижского мирного договора финансовых обязательств, на что получали ответ об отсутствии у советского государства таких финансовых возможностей³.

В течение 1921–1923 гг. в советском руководстве шла борьба между линией наркомата внешней торговли во главе с наркомом Л. Б. Красиным и позицией полпреда РСФСР в Варшаве по вопросу возможного предоставления Польше права транзита на Восток, прежде всего в Персию, своих товаров. В то время как полпред Л. Л. Оболенский предлагал разрешить такой транзит в обмен на свободу транзита через Польшу в торговле между СССР и странами Центральной Европы, Л. Б. Красин был решительно против такой позиции. По его мнению, для Польши транзит в Персию и поставки в советские республики были намного важнее, чем транзит через польскую территорию для советского государства. В связи с этим он считал возможным обсуждать возможность предоставления права транзита польских товаров в Персию только в обмен на политические уступки со стороны Варшавы.

В июле – августе 1923 г., еще до разработки планов пролетарской революции в Германии, советские дипломаты зондировали возможность обмена предоставления Варшаве права наибольшего благоприятствования в торговле и транзита на Восток на отказ от требования выплаты 30 млн рублей золотом. Однако поляки настаивали на выполнении всех финансовых обязательств, ставя вопросы выплаты 30 млн рублей на первое место.

Подготовка пролетарской революции в Германии и вызванная ею необходимость получить транзит через Польшу оказались теми политическими моментами, ради которых СССР был готов пойти навстречу Варшаве по всем указанным направлениям. Однако в Польше понимали всю опасность создававшейся ситуации. К осени 1923 г. в связи с ростом революционных настроений в Германии привлекательность уступок, которых Варшава добивалась от Москвы в экономической сфере и в вопросах выполнения финансовых обязательств, вытекавших из Рижского договора, меркли на фоне усиливавшихся геополитических угроз. Опасения оказаться зажатой между СССР и революционной Германией перевешивали в Польше расчеты на возможные финансовые и экономические выгоды.

Описывая ситуацию с реакцией польской стороны на предложения Москвы по ревизии Рижского мирного договора, нарком иностранных дел Г. В. Чичерин 2 октября 1923 г. докладывал в Политбюро ЦК РКП (б), что главным приоритетом советской дипломатии на польском направлении должно стать признание СССР Польшей. Без такого признания «невозможно даже начинать какие-либо другие переговоры» (Там же). Как только этот вопрос будет устранен, придется решать проблему с требованием польской стороны уплатить 30 млн золотых рублей, без чего Варшава отказывалась обсуждать другие вопросы. В условиях роста революционного движения в Германии Г. В. Чичерин считал ненужным выделять вопрос о транзите между СССР и Германией, так как «собеседники т. Оболенского говорят ему, что было бы безумием для поляков предоставить нам транзит в Германию, который облегчит создание германорусских шипцов, могущих раздавить Польшу» (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 213. Д. 52571. Л. 25).

Несмотря на рекомендации Г. В. Чичерина, сомнения И. В. Сталина и предостережения Л. Л. Оболенского, в советском руководстве возобладала линия на прощупывание возможных условий разрешения Варшавой свободного транзита из СССР в Германию. В Польшу, Латвию и Литву был командирован В. Л. Копп, который среди прочих задач пытался добиться для СССР права свободного транзита через эти страны. С 28 октября по 5 ноября он проводил переговоры в Варшаве. Специально для переговоров был подготовлен проект протокола между правительствами СССР и Польши от 29 октября 1923 г. В нем провозглашалось немедленное предоставление друг другу на основании статьи XVII Рижского мирного договора свободного транзита товаров «по всем железнодорожным и водным путям и через все пограничные пункты, по которым и через которые совершается перевозка их собственных товаров в страны назначения» (Там же). При этом делалось пояснение, что свободный транзит предоставляется независимо от внутренних политических условий в странах назначения и обоюдного экспорта. Отдельно оговаривалось применение к товарам австрийского и германского происхождения, следующим через Польшу в СССР, тех же норм, что и для товаров из других стран, что означало фактический отказ Польши от разрешительного порядка для каждой партии транзитных товаров из Германии и Австрии (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 213. Д. 52573. Л. 8–10).

Очевидно, что если бы польское правительство согласилось подписать этот протокол, то хотя бы формально оно бы получило право транзита через СССР в любые страны, в том числе и в Персию. При этом Москва еще и соглашалась внести аванс в исполнение ст. XIII Рижского договора и заключить соглашение о графике задержанных к тому моменту на полтора года платежей о выплате 30 млн золотых рублей. Правда, в проекте на месте размера аванса и новых сроков уплаты долга стоял прочерк. Вероятно, у В. Л. Коппа было право согласовывать конкретные сроки и цифры непосредственно с польской стороной. Это был как раз тот случай, когда советское руководство было готово не только согласиться на паритетные условия транзита с Польшей в третьи страны, но еще и пообещать погасить «просроченный вексель». Фактически на такие уступки по сравнению с предыдущей линией Москва была готова пойти только ради свободного транзита в Германию, в которой она ожидала скорого коммунистического переворота. Однако эти ожидания были очевидны и Польше, которая отвергла чрезвычайно выгодный с финансово-экономической точки зрения для нее документ.

Как следует из подготовленного в польском МИДе отчета о состоявшейся 28 октября 1923 г. беседы заместителя министра иностранных дел Польши Мариана Сейды с В. Л. Коппом, советский дипломат поднял ряд нерешенных вопросов двусторонних отношений: заклю-

чения торгового соглашения; ограничений транзита для Польши на Восток, а для СССР – в западном направлении; необходимости разработки плана выплаты траншей в счет уплаты 30 млн рублей золотом, которые Москва должна была Варшаве по Рижскому мирному договору; а также обмена задержанных в СССР польских ксендзов. В. Л. Копп предложил снять ограничения, которые Варшава наложила на поставки в СССР товаров из Германии и Австрии, сохранив их только для товаров военного назначения. В ответ М. Сейда указал, что эти ограничения вытекают из ст. 22 Рижского мирного договора. Он также заявил, что обсуждение этого вопроса относится не к сфере польско-советских, а к сферам польско-австрийских и польско-германских отношений. Фактически польский дипломат сразу дал понять, что Москве не следует ожидать никаких уступок в вопросах транзита из Германии в СССР, не говоря уже о транзите в обратном направлении. После прояснения позиций В. Л. Копп фактически утратил интерес к обсуждению возможных уступок СССР (*Kumaniecki*, 1991, S. 124–127).

Следует отметить, что, начиная переговоры в Польше 28 октября, В. Л. Копп должен был знать о провале в 20-х числах октября планов Коминтерна и РКП (б) по организации пролетарской революции и отказе от немедленного восстания руководства Компартии Германии⁴. В таких условиях, учитывая явное нежелание польской стороны идти на уступки в вопросах транзита в Германию, предлагать многочисленные встречные уступки по принципиальным финансовым и экономическим вопросам представлялось нецелесообразным.

Таким образом, миссия В. Л. Коппа в Варшаву в плане подготовки условий для помощи СССР революционной Германии потерпела провал. По итогам переговоров не удалось даже разработать совместный протокол, в котором были бы указаны пути решения поднятых вопросов.

В опубликованном 17 ноября в «Правде» и «Известиях» правительственном сообщении о переговорах с Польшей⁵ сообщалось о стремлении польской стороны избежать точных формулировок по вопросам транзита и невмешательства. Из-за этого советское правительство сочло невозможным «дать свою подпись под протоколом» (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 213. Д. 52573. Л. 26–29, 30–34, 35–3). При этом советское правительство выразило согласие на предложение польской стороны после признания СССР приступить к переговорам о торговом договоре и железнодорожной конвенции, в которых должны были регулироваться вопросы транзита (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 213. Д. 52573. Л. 26–29, 30–34, 35–37).

Наиболее спорным в настоящее время считается вопрос о том, ограничивались ли намерения СССР только указанными в обнародованных официальных документах уступками или Москва была готова пойти дальше. По мнению В. Л. Черноперова и В. А. Зубачевского, В. Л. Копп был также готов обсуждать возможность пропуска Варшавой в Германию частей Красной Армии через так называемый «виленский коридор». Эта узкая полоска контролируемой Польшей Срединной Литвы отделяла СССР от Восточной Пруссии. Взамен на эту уступку и обещание невмешательства в дела Германии в случае революции Москва предлагала Варшаве свободу действий в Восточной Пруссии и Данциге. Свою позицию оба исследователя подкрепляют ссылками на мемуары бежавшего на Запад советского дипломата Г. З. Беседовского и на то, что подобные предложения косвенно звучали в публичных выступлениях лидеров большевиков и прямо – на Политбюро. В частности, Г. Е. Зиновьев в статье в «Правде» 26 октября 1923 г. допускал, что германской революции придется пройти через свой Брест-Литовск, что можно рассматривать как готовность территориальных уступок революционной Германии и Москвы в пользу Польши. Кроме того, предложение прозондировать Польшу на возможность такого размена были озвучены Л. Д. Троцким на заседании Политбюро ЦК РКП (б) 11 октября 1923 г. [*Зубачевский*, с. 184–185; *Черноперов*, 2006, с. 157–158].

Присутствовавший на отдельных переговорах В. Л. Коппа в Варшаве Г. З. Беседовский описал схему зондирования: наряду с официальными переговорами, которые проводил В. Л. Копп, в Варшаву приехал из Берлина «один из лучших советских дипломатических разведчиков» Стефан Раевский, который неофициально должен был пропагандировать идею такого размена через свои личные связи в политических кругах. В случае успеха его работы это предложение должен был озвучить на официальных переговорах с М. Сейдой В. Л. Копп. В целом остальные предложения, которые, по словам Г. З. Беседовского, сделал В. Л. Копп в

ходе переговоров, совпадают с рассекреченными официальными документами советской стороны. Г. З. Беседовский описал, что «и Копп, и Раевский были довольны ходом своих разговоров», отметив, что предложения по Восточной Пруссии понравились эндекам и за них «можно будет добиться от Сейды крупных уступок в вопросе о транзите» (*Беседовский*, 1931, с. 132–142). Лишь телеграмма из Москвы о том, что революционное движение в Германии «явно пошло на убыль», по мнению Г. З. Беседовского, сделало переговоры неактуальными и Копп был отозван в Москву (Там же).

Несмотря на то что в Москве действительно обсуждали возможность размена Восточной Пруссии и Данцига на проход частей Красной Армии через Польшу, а переговоры проводил В. Л. Копп, принадлежавший к троцкистскому крылу РКП (б), наиболее решительно настроенному к организации революции в Германии и готовому ради нее пойти на территориальные уступки со стороны будущей Германской Советской республики, представляется странным, что возможность размена не отражена в рекомендациях НКИДа и решениях (не прениях) Политбюро. И это при том, что остальные пункты возможных уступок в обмен на транзит продовольствия и товаров между Германией и СССР и нейтралитет Польши в отношении возможной революции в Германии в рассекреченных официальных документах НКИДа прописаны довольно детально. Не менее странным представляется, что если бы такие предложения прозвучали на переговорах или были бы озвучены советскими представителями неофициально, то они не были никак отражены во внутренних документах и стенограммах переговоров, которые вел польский МИД, а также в польской межвоенной историографии. Кроме отдельных расплывчатых фраз Г. З. Беседовского, который также прямо не утверждает, что В. Л. Копп как-либо поставил в известность М. Сейду о возможности Польши получить Восточную Пруссию или Данциг в обмен на проход Красной Армии и нейтралитет в делах Германии, в настоящее время нет источников, что такой размен мог быть поручен В. Л. Коппу официально.

Более того, не очень понятно, насколько успешно справился с заданием популяризировать в польских политических кругах идею такого размена, если ему было дано такое поручение, С. Раевский. Л. Л. Оболенский отправил в Москву отчет одного из украинских депутатов Сейма о состоявшемся 16.11.1923 г. заседании комиссии Сейма по иностранным делам по итогам визита в Варшаву В. Л. Коппа. В нем также не содержится информации о том, что депутаты могли обсуждать размен Восточной Пруссии на проход Красной Армии через Польшу и нейтралитет Польши. Подобное замалчивание волновавшего эндеков и другие политические силы территориального вопроса было бы странно для парламентских дебатов, если бы о таком предложении, пусть и неофициальном, полученном через С. Раевского, стало известно депутатам. Согласно отчету украинского депутата, на заседании комиссии обсуждались вопросы, не выходящие за рамки упомянутых рекомендаций НКИДа, в которых упомянуты только нейтралитет Польши и свободный транзит товаров в обмен на экономические уступки, и ничего нет ни про возможные территориальные уступки, ни про транзит Красной Армии. Выступивший с докладом М. Сейда сообщил, что согласиться на свободный транзит «из Совдепии в Германию – значит попасть в число тех, кто ... помогает коммунистическому движению; исходя из принципа необходимости соблюдения принципа невмешательства – мы на этот транзит согласиться не могли», попытки В. Л. Коппа еще несколько раз вернуться к этому вопросу, по словам М. Сейды, не дали результата (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 211. Д. 52567. Л. 228).

Если мы обратимся к геополитической ситуации того времени, то убедимся, что согласие Москвы на уступку части территории Германии в обмен на нейтралитет Польши и согласие на проход частей Красной Армии в Восточную Пруссию через «виленский коридор» были для Варшавы важным, но в то же время не настолько привлекательным аргументом, чтобы заставить ее согласиться на советизацию Германии.

Во-первых, Восточная Пруссия была отделена от остальной территории Германии «польским коридором», и проход только через «виленский коридор» не позволил бы Красной Армии попасть на просторы основной части Германии. То есть, если бы частям Красной Армии удалось помочь германской революции в Восточной Пруссии, а поставок продовольствия и оружия через Польшу не хватило бы для победы революции в остальной части Германии, то неиз-

бежно встал бы вопрос о пропуске красноармейцев уже через «польский коридор» или другие транзитные пути в другие германские земли. Революционные планы большевиков через две недели после переговоров В. Л. Коппа прояснял в выступлении в коммунистическом клубе Екатеринбургского лидера польских коммунистов Юлиан Мархлевский. Он ничего не говорил о возможности прохода Красной Армии через Польшу, а пояснял лишь возможность транзита продовольствия из СССР в Германию в случае революции в последней, что полностью совпадает с обнародованными документами НКВД. По его словам, взрыв революции в Германии – это тот случай, «когда нам придется помогать немецким товарищам», он «вызовет взрыв революции в Польше», что позволит уладить вопросы транзита хлеба (Мархлевский, 1923, с. 18–19).

Во-вторых, если бы вопрос с Данцигом и частью территории Восточной Пруссии, на которую претендовала Польша, решался только военным путем, то Варшаве согласие Москвы на это не было бы нужно. Веймарская республика тогда была настолько слаба, что не смогла бы оказать сопротивления «самовольным» действиям нескольких польских военных подразделений, решилась Варшава повторить в Восточной Пруссии опыт захвата «виленского коридора». Польша ожидала благоприятных для себя решений от Парижа и Лондона, определявших в то время судьбу границ в Европе. В частности, Польша тогда вела переговоры с Францией о немедленной оккупации Восточной Пруссии, но Париж отвечал отказом [Зубачевский, 2019, с. 185]. Великобритания и Франция вряд ли бы одобрили сепаратный передел территории Веймарской республики между Москвой и Варшавой, да еще и ценой установления коммунистического режима на большей части Германии.

Нельзя также не учитывать, что если бы вопрос касался только прохода частей Красной Армии в Восточную Пруссию, то Москве было бы его намного легче получить не через территорию Польши, а через Латвию и Литву, переговоры в которых В. Л. Коппа в октябре 1923 г. закончились полным успехом, обе страны обещали нейтралитет в германских делах.

Несмотря на безрезультатность усилий В.Л. Коппа получить в ходе визита в Польшу путем ряда уступок, прежде всего в экономических и финансовых вопросах, разрешение на свободный транзит между СССР и Германией, эту поездку нельзя считать совсем безуспешной.

В закрытой части упомянутого заседания комиссии Сейма по иностранным делам, обсудив визит В. Л. Коппа, было принято другое важное для Москвы решение. Депутаты дали правительству В. Витоса поручение признать СССР, «припомнив, однако, нам необходимость выполнения Рижского договора», – докладывал в НКВД В. Л. Коппу Л. Л. Оболенский (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 211. Д. 52567. Л. 215). В результате этого 13 декабря 1923 г. в последний день работы правительства В. Витоса накануне его отставки Польша официально признала создание СССР.

Таким образом, взяв в августе 1923 г. курс на подготовку коммунистической революции в Германии, руководство РКП (б) и Коминтерна стало просчитывать возможные варианты поведения других европейских государств и изменения политики СССР в отношении этих стран. На уровне Политбюро ЦК РКП (б) рассматривались достаточно радикальные планы, предусматривавшие как новую интервенцию против советского государства со стороны капиталистических стран, так и развязывание самим СССР войны со странами Центральной Европы, включая Польшу. Несмотря на радикализм обсуждения, практические решения Политбюро изначально не предполагали немедленного вовлечения в связи с ожидавшейся революцией в германские дела соседей Германии и великих держав.

Наметив и начав предоставлять немецким коммунистам в рамках подготовки революции кадровую, финансовую, продовольственную помощь и поставки оружия, в Москве столкнулись с необходимостью прорыва транспортной блокады путей, связывавших СССР с Германией. Преодолеть блокаду можно было только в том случае, если бы удалось убедить страны Прибалтики и Польшу в необходимости отказаться от жесткого контроля за транзитом между СССР и Германией. Если в случае со странами Прибалтики предполагалось вынудить их пойти навстречу указанным пожеланиям Москвы путем угроз, то в отношении намного более сильной Польши, нападения которой на СССР еще за несколько месяцев до описываемых событий опасались в НКВД и советском руководстве, планировалось пойти на серьезные уступки в финансовых и экономических вопросах.

В качестве возможных уступок Варшаве в обмен на свободу транзита в Германию рассматривались возврат СССР к выполнению обязательств по Рижскому мирному договору о выплате Польше 30 млн рублей золотом, открытие транзита через СССР в Персию для польских товаров и согласие в рамках разработки торгового соглашения на предоставление Варшаве режима наибольшего благоприятствования в торговле. Изначально в Москве не очень рассчитывали, что план убедить Польшу предоставить СССР свободный транзит в Германию сработает, так как предварительное зондирование по дипломатическим каналам указывало на то, что в Варшаве осознавали угрозу для польского государства в случае успеха германской революции оказаться зажатым между двумя враждебными коммунистическими странами. Отправленная в конце октября в Варшаву переговорная миссия столкнулась с нежеланием польской стороны идти на какие бы то ни было уступки в вопросах германского транзита и фактически в вопросах поддержки германской революции потерпела провал.

Примечания

¹ Лимитрофами (лимитрофными государствами) в СССР в 1920-е гг. было принято называть выделившиеся при распаде Российской империи Литву, Латвию и Эстонию. Учитывая, что общую сухопутную границу с Германией из них имела только Литва, здесь И. В. Сталин, видимо, имел в виду именно это государство.

² Этот пост Л. Д. Троцкий совмещал с членством в Политбюро ЦК РКП (б) и должностью наркома по военным и морским делам.

³ О необходимости выполнять взятые на себя по Рижскому мирному договору финансовые обязательства в советском руководстве вспоминали лишь тогда, когда наступали критические моменты в отношениях с Польшей. Например, в конце мая – начале июня 1923 г. рассматривался вопрос о единовременной выплате от 5 до 10 млн рублей золотом в счет обязательств по Рижскому мирному договору, чтобы предотвратить ожидавшееся присоединение Варшавы к антисоветскому блоку в рамках реализации «ультиматума Керзона». Однако, после того как угроза нового нападения Польши рассеялась, а Н. Керзон потерпел поражение в борьбе за пост премьера правительства Великобритании, предложение наркома финансов Г. Я. Сокольникова единовременно выплатить Польше 10 млн рублей золотом было отвергнуто коллегией НКВД (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 213. Д. 52571. Л. 12–13).

⁴ Несмотря на то что в начале октября 1923 г. руководство РКП (б) и КПГ в качестве даты восстания наметило 9 ноября, фактически попытки начать мятеж были предприняты в 20-х числах октября. 21 октября провалились планы лидера КПГ Г. Брандлера начать всеобщую забастовку, которая должна была перерасти в революцию, в Тюрингии и Саксонии. 23–25 октября потерпела крах попытка вооруженного восстания в Гамбурге. КПГ по предложению К. Радека, как он сообщал в своем отчете в Политбюро ЦК РКП (б) от 26.10.1923, решила отказаться от планов немедленного восстания. После этих событий Политбюро ЦК РКП (б) и руководство Коминтерна в начале ноября приняли решение продолжать подготовку восстания. Лишь после запрета 25 ноября КПГ в Германии вопрос об организации там пролетарской революции постепенно утратил актуальность [Фирсов, 2019, с. 266–273].

⁵ Разработка этого сообщения велась с 15 ноября, и в НКВДе сохранилось несколько его вариантов.

Список источников

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 04. Оп. 32. П. 211. Д. 52567. Л. 215, 228; П. 212. Д. 52564. Л. 97; П. 213. Д. 52571. Л. 12–13, 25; П. 213. Д. 52573. Л. 8–10, 26–29, 30–34, 35–37.

Беседовский Г.З. На путях к термидору. Из воспоминаний б. советского дипломата. Париж: Мишель, 1931. 256 с.

Версальский мирный договор / полн. пер. с франц. подлинника под ред. проф. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина. М.: Литиздат НКВД, 1925. 198 с.

Документы внешней политики СССР. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. Т. 3. 724 с.

Красин Б.Л. Вопросы внешней торговли. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 429 с.

Мархлевский Ю. Революционное движение в Германии и Польше. Екатеринбург: Уралкнига, 1923. 23 с.

Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М.: РОССПЭН, 2004. 961 с.

Сталин И.В. Сочинения. Тверь: Северная корона, 2004. Т. 17. 678 с.

Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. Warszawa: Książka i Wiedza, 1965. T. VI. 599 S.

Kumaniecki J. Stosunki Rzeczypospolitej Polskiej z państwem radzieckim 1918–1943. Wybór dokumentów. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1991. 348 S.

Библиографический список

Брянцев М.В. «Германский октябрь» 1923 г. в представлениях населения советской провинции // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 406–419.

Воронянская Д.В. Коминтерн в поиске «фронтов» мировой революции (1919–1923) // Российско-германские отношения в XIX–XX вв.: материалы межрегион. науч. конф. Липецк: Липецк-Плюс, 2019. С. 63–70.

Емельянова Е.Н. «Германский Октябрь» 1923 г. в российской историографии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. История. 2021. № 3. С. 122–145. DOI: 10.31249/rhist/2021.03.07

Емельянова Е.Н. Несостоявшаяся революция 1923 г. в Германии // Клио. 2015. № 10 (106). С. 66–70.

Зубачевский В.А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект. М.: РОССПЭН, 2019. 277 с.

Макаренко П.В. Немецкий Октябрь 1923 г. и советская внешняя политика // Вопросы истории. 2012. № 3. С. 36–55.

Мельтюхов М.И. Красная Армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923). М.: АИРО-XXI, 2013. 216 с.

Мельтюхов М.И. Советско-польские войны: военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М.: Вече, 2001. 460 с.

Ольшанский П.Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений 1921–1924. М.: Наука, 1974. 285 с.

Ольшанский П.Н. Советско-польские отношения в 1921–1924 гг. // Советское славяноведение. 1972. № 1. С. 21–34.

Сергеев Е.Ю. Ультиматум Керзона Советской России 1923 г.: новая интерпретация // Вестник РГГУ. Политология, история, международные отношения, зарубежное регионоведение, востоковедение. 2015. № 11 (154). С. 97–105.

Станков Н.Н. «Германский октябрь» 1923 года и Чехословакия // Славяноведение. 2018. № 1. С. 18–29.

Фирсов Ф. Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. М.: АИРО-XXI, 2019. 672 с.

Черноперов В.Л. Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа и подготовка большевиками «германского Октября» в 1923 году. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2006. 782 с.

Kumaniecki K.W. Odbudowa państwowości Polskiej: najważniejsze dokumenty 1912 – styczeń 1924. Warszawa; Kraków: Nakładem księgarni J Czernieckiego, 1924. 782 S.

Дата поступления рукописи в редакцию 11.02.2022

FACTOR OF THE COMMUNIST REVOLUTION IN GERMANY IN SOVIET-POLISH RELATIONS IN 1923

S. A. Sklyarov

Moscow State Institute of International Relations, Vernadskogo av., 76, 119454, Moscow, Russia

redactors@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5691-4088

Researcher ID: ABF-8245-2021

Scopus Author ID: 58154092700

The article raises the little-studied topic of the influence of the proletarian revolution in Germany, prepared in 1923 with the active support of the Comintern and the Russian Communist Party (Bolsheviks), on relations between Poland and the USSR. The author relies on unpublished archival materials, first published and introduced into scientific circulation, revealing these events in a new light, declassified in the post-Soviet period. The work shows how, despite the presence of radical proposals that threatened a new large-scale war in Europe, the leadership of the

RCP(b) chose a more pragmatic approach. Given the military power of the Polish state, Moscow decided to dispense with threats and intimidation that distinguished the Soviet approach to Poland from its policies towards Lithuania and Latvia in order to achieve the lifting of Warsaw's severe restrictions on transit between Germany and the USSR. In response, the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) agreed to make a number of concessions, primarily on economic and financial issues, including the payment of 30 million rubles in gold to Poland, to which Warsaw was entitled under the Riga Peace Treaty and was actually sabotaged by Moscow. In addition, the USSR was ready to allow the transit of Polish goods to Persia. This plan did not work, since Poland was aware that the lifting of restrictions on transit between the USSR and Germany increased the chances of revolution in Germany, which threatened Poland with communist countries encircling it. In addition, by the time the Soviet mission arrived in Warsaw with the above-mentioned proposals, there was no longer much sense in insisting on such an exchange with strong opposition from Polish diplomats, since plans to organize a proletarian revolution in Germany had failed.

Key words: proletarian revolution in Germany, RCP(b), Comintern, export of revolution, transit to Persia, Riga Peace Treaty.

References

- Bryantsev, M.V. (2019), “«German October» of 1923 in the views of the population of the Soviet province”, *Noveyshaya istoriya Rossii*, vol. 9, № 2, pp. 406–419.
- Chernoperov, V.L. (2006), *Diplomaticheskaya deyatel'nost' V.L. Koppa i podgotovka bol'shevikami «germanskogo Oktyabrya» v 1923 godu* [Diplomatic activities of V.L. Kopp and the preparation of the “German October” by the Bolsheviks in 1923], Ivanov. gos. un-t, Ivanovo, Russia, 782 p.
- Emelyanova, E.N. (2015), “The failed revolution of 1923 in Germany”, *Klio*, № 10 (106), pp. 66–70.
- Emelyanova, E.N. (2021), “«German October» of 1923 in Russian historiography”, *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5: Istoriya*, № 3, pp. 122–145.
- Firsov, F. (2019), *Komintern: pogonya za prizrakov. Pereosmyslenie* [Comintern: Chasing a ghost. Rethinking], AIRO-XXI, Moscow, Russia, 672 p.
- Kumaniecki, K.W. (1924), *Odbudowa państwowości Polskiej: najważniejsze dokumenty 1912–styczeń 1924*, Nakładem księgarni J Czernieckiego, Warszawa–Kraków, Poland, 782 p.
- Makarenko, P.V. (2012), “German October of 1923 and Soviet foreign policy”, *Voprosy istorii*, № 3, pp. 36–55.
- Meltyukhov, M.I. (2001), *Sovetsko-pol'skie voyny: voenno-politicheskoe protivostoyanie 1918–1939 gg.* [Soviet-Polish Wars: Military-Political Confrontation of 1918–1939], Veche, Moscow, Russia, 460 p.
- Meltyukhov, M.I. (2013), *Krasnaya Armiya i nesostoyavshayasya revolyutsiya v Germanii (1923)* [The Red Army and the Failed Revolution in Germany (1923)], AIRO-XXI, Moscow, Russia, 216 p.
- Olshansky, P.N. (1972), “Soviet-Polish relations in 1921–1924”, *Sovetskoe slavyanovedenie*, № 1, pp. 21–34.
- Olshansky, P.N. (1974), *Rizhskiy dogovor i razvitie sovetsko-pol'skikh otnosheniy 1921–1924* [The Riga Treaty and the Development of Soviet-Polish Relations of 1921–1924], Nauka, Moscow, Russia, 285 p.
- Sergeev, E.Yu. (2015), “The Curzon ultimatum of Soviet Russia in 1923: a new interpretation”, *Vestnik RGGU. Seriya: politologiya, istoriya, mezhdunarodnye otnosheniya, zarubezhnoe regionovedenie, vostokovedenie*, №11 (154), pp. 97–105.
- Stankov, N.N. (2018), “«German October» of 1923 and Czechoslovakia”, *Slavyanovedenie*, №1, pp. 18–29.
- Voronyanskaya D.V. (2019), “The Comintern in search of «fronts» of the world revolution (1919–1923)”, in *Rossiysko-germanskie otnosheniya v XIX–XX vv. Materialy mezhhregional'noy nauchnoy konferentsii* [Russian-German relations in the 19th and 20th centuries. Proceedings of the interregional scientific conference], Lipetsk-Plyus, Lipetsk, Russia, pp. 63–70.
- Zubachevsky, V.A. (2019), *Politika Rossii v Tsentral'no-Vostochnoy Evrope (pervaya tret' XX veka): geopoliticheskiy aspekt* [Russia's policy in Central-Eastern Europe (the first third of the 20th century): a geopolitical aspect], ROSSPEN, Moscow, Russia, 277 p.